

Кириллов К. Трагическое в творчестве К. Иванова-Прта / К. Кириллов // Вопросы поэтики К. Иванова : материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения поэта, 21-22 мая 1990 г. / Науч.-исслед. ин-т яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. — Чебоксары, 1991. — С. 103-106.

г. Москва

К. КИРИЛЛОВ

ТРАГИЧЕСКОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ К. ИВАНОВА-ПРТА

Поднимая остросоциальные вопросы «бытия быта», внутренне логика чувашской литературы последней четверти XIX в. стремилась к философским размышлениям о мире. Писатели-просветители мир воспринимали через национальный быт, однако говорить о каких-либо стройных взглядах на мир не приходится. Утверждение все новых жанровых форм в литературе шло именно этим путем — через стремление «вырваться» из статичной бытоописательности к философии «быта». Миновать, перешагнуть через трагическое она была не в состоянии еще и потому, что весь предшествующий опыт словесности диктовал ей этот путь: народно-художественная традиция тяготела к стройной системе сопоставления жизни человека и природы. Более того, в народной песне слышалось свое понимание мира, ценностей человека в этом мире. Народная философия подпитывала всю словесность. Воплощение же трагического со всей силой суждено было осуществиться в творчестве Иванова. «Темный ужас» проникает в души героев чуть ли не в каждом его произведении: они не просто умирают, поэт акцентирует то, что перестает существовать душа человека. Эволюция постижения трагического у него проходит от дум над повседневными вопросами бытия («одни страданья тучей черной надо мною» — «Думы старого леса») к размышлениям о смысле жизни, о ценности человеческого «Я» и глубже — об устройстве миропорядка, где постоянно сталкиваются извечные силы добра и зла («Раб дьявола»).

Константин Иванов уникален в контексте мировой поэзии именно тем, что постижение трагичности бытия, национального мира происходило у него в столь «младые годы». «Раннее взросление» поэта-мыслителя проходило в стенах Яковлевской школы, где царил «совершенно своеобразный дух воспитания» (Ф. Павлов), где его пытливый юношеский ум постигал философию «Фауста» Гете, «Божественной комедии» Данте, переводы религиозных текстов наложили свой отпечаток на мировосприятие поэта. Существенным является и тот факт, что Иванов как мыс-

литель сумел сберечь свой талант от работы на «злобу дня». Произведения, где есть отклик на события действительности, риторичны, там нет музыки слова.

Трагичность бытия Ивановым осознается через распад родственных уз. Ни в одном из произведений у поэта смерть не случайна, и смерть — не случайных людей. Разрушение мира, гармонии идет от разрушения человеческой души. Источником разрушения выступают силы зла, в основном сидящие в самой природе человека. Где нет противостояния сил добра, там разрушение доводится до полного завершения. Дьявол не ограничивается убийством Чегесь, вместе с нею лишает жизни и старуху — подстрекательницу в балладе «Железная мялка». Бессилен чудодейственный юсман там, где порваны родственные отношения. Человек, который слеп к добру («Не зря слепа она» — сказано о старухе) заслуживает наказания зла. «Мялка смолкла», когда убила старуху.

Творчество Иванова невозможно делить на этапы, периоды. Безраздельно отдал он поэзии два наполненных чудом вдохновения года. Динамика его творческого взлета поражает и озадачивает одновременно. Поражает тем, что вместилось в этот «путь», озадачивает тем, как это сделано, как в человеке в 17—18 лет пробудились общечеловеческие темы и воплощены они на уровне совершенства гармонии слова. В основе всего творчества поэта лежит трагическое: в первых произведениях оно выступает как эстетическое средство осознания критических напряжений («Две дочери»), в других — как средство отображения противоречий действительности. Противопоставлены в диалоге с отцом («Две дочери») ценностные идеалы двух родных дочерей. И это не просто противопоставление взглядов, а две составляющие основы миропорядка. Более обнаженно трагический конфликт этих двух составляющих выступает в «Раб дьявола» — в произведении, равносовершенном «Нарспи».

Композиционно трагедия строится по принципу противопоставления двух голосов-монологов, где каждый отстаивает свое право на «богом данное добро». Центральные монологи братьев — суть двух взглядов на мир. Если первый упорно не слышит «голос свыше», второй не только стремится услышать сам — он призывает к диалогу: «оглянься же, брат, пойми ты». Всем развитием действия Иванов показывает: в трагедии нет места диалогу — младший остается неуслышанным. Монологичен сам мир, где нет взаимопонимания между людьми, тем более — между родными, казалось бы, близкими по духу.

Братья «из людских рыданий, слез» накапливали добро «лишь для блага своего». «Деньги, золото, серебро» делают людей неспособными слышать друг друга. Не услышали братья мать — «не дрогнули», не услышали и жен — «не вяли». Эту центральную идею — человек, потерявший душу, не слышит никого кроме себя — Иванов обозначил уже в эпиграфе: «Твоя молитва

превратится в дым», т. е. никто ее не услышит. Главное — душа человека. Слова из монолога младшего брата «Пётме ан пар чуняма!» (Не дай сгубить мою ты душу!) выражает основной пафос философии Иванова. Мир есть — пока есть душа в человеке. Трагическое усиливается тем, что смерть души оказывается страшнее физической смерти. Младший брат обращается: «Хватит духу — так убей». Поначалу у старшего «не хватило духу» — вяло опустилось копьё. Приемом одновременного задерживания и развития действия Иванов прослеживает процесс «одьявления» человеческой души. «Отними, возьми, отбери», — подстрекает дьявол. Троищность подстрекательства, троичность действий Старшего становится достаточной, чтобы «сгубить душу». «Одьявленная» душа ничего не слышит, не видит — Старший теперь способен пронзить младшего брата. Дьявол — есть хаос и разрушение гармонии мира. Поэт намеренно акцентирует момент, где дьявол выражает свое торжество над добром, разумом в умопомрачительном хохоте, выделяя троичность состояния его поведения:

- 1) «ликует дьявол, торжествует»;
- 2) «вдруг захохочет дико, страшно»;
- 3) хохочет дико, будто «Все основы мирозданья

В прах и хаос обратит».

Пронзив меньшого брата, старший не убил еще в нем души. Младший брат просит очистить его душу, закалить сердце, чтоб не стал Старший брат, как и он, «дьявола рабом». Но остается неуслышанным — его «молитва стала дымом». Логика действия безупречна: не услышавший «голос свыше» («обеспамятел») — не услышит никого.

В третьем действии, по замыслу Иванова, дьявол «и мать, и ребенка убивает... Входит второй ребенок... Убивает и этого. Гремит гром, в окно хохочет дьявол и уносит его душу». Трагедия семьи — есть результат разрушения души, когда сын не слышит мать, брат — брата. Восстановление гармонии в этом случае невозможно.

По Иванову, внутренний нравственный мир человека сложен и многогранен. Сложный, противоречивый путь исканий Правды младшим братом от нравственного падения («чтобы грабя здесь убитых приумножить... деньги») к осознанию своей вины («за мою вину, каюсь сердцем и душою, я прощения прошу...») — не есть ошибка отдельного человека, это — трагедия духа. Страдание, гибель героев трагедии проистекает из внутренней необходимости, которую стремится преодолеть их своеволие. Трагедия духа — есть для поэта «вопрос вопросов» бытия. Больше того — философский взгляд автора трагедии устремлен «вглубь субстанции непочатого национального бытия»¹.

Гений Иванова родил «существенный и значительный новый жанр» в чувашской литературе, оказавший «воздействие на весь круг старых жанров», делая их «более сознательными»,

заставляя «их лучше осознать свои возможности и свои границы»². На наш взгляд, именно «Раб дьявола» — как трагедия — «заставила» жанр поэмы, оформленный уже в творчестве М. Федорова, «осознать свои возможности и свои границы» и предопределила появление «Нарспи», которую уже невозможно «подогнать» под какой-либо определенный жанр или метод, ибо «использованы» все новые возможности, расширены «границы».

ЛИТЕРАТУРА

¹ *Артемьев Ю. М.* Образная система поэмы К. В. Иванова «Нарспи» // Художественный образ в чувашской литературе и искусстве. Чебоксары, 1987.— С. 74.

² *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. Изд. четвертое. М., 1979.— С. 313.